



*Новый
филологический
вестник*



№ 4(35)
2015

Москва 2015

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ИНСТИТУТ ФИЛОЛОГИИ И ИСТОРИИ

RUSSIAN STATE UNIVERSITY FOR THE HUMANITIES

INSTITUTE OF PHILOLOGY AND HISTORY

Новый филологический вестник

№ 4 (35) ‘ 2015

The New Philological Bulletin

№ 4 (35) ‘ 2015

Москва
2015

Moscow
2015

Новый филологический вестник
№ 4 (35) ' 2015

Редакционная коллегия:

Тюпа Валерий Игоревич (главный редактор) – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ.

Федунина Ольга Владимировна (ответственный секретарь) – кандидат филологических наук, специалист по учебно-методической работе кафедры истории русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ

Автухович Татьяна Евгеньевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Дарвин Михаил Николаевич – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры теоретической и исторической поэтики Института филологии и истории РГГУ, директор Государственного института повышения квалификации и профессиональной переподготовки специалистов РГГУ.

Ершова Ирина Викторовна – кандидат филологических наук, доцент; профессор кафедры сравнительного изучения литератур Института филологии и истории РГГУ.

Зубарева Вера – Ph.D., преподаватель Пенсильванского университета (Филадельфия, Пенсильвания, США).

Кемпер Дирк – доктор филологии и культурологии, профессор, заведующий кафедрой германской филологии Института филологии и истории РГГУ.

Ковтун Елена Николаевна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой славистики и центрально-европейских исследований Института филологии и истории РГГУ.

Магомедова Дина Махмудовна – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ.

Маймескулов Анна – хабилитированный доктор наук, экстраординарный профессор Института неологии и прикладной лингвистики университета Казимира Великого в г. Быдгощ (Польша).

Манин Юрий Владимирович – доктор филологических наук, профессор, академик РАН. Профессор-консультант кафедры истории русской классической литературы Института филологии и истории РГГУ.

Рейнгольд Наталья Игоревна – доктор филологических наук, Ph.D. (Университет Эксетера, Великобритания), профессор, заведующий кафедрой теории и практики перевода Института филологии и истории РГГУ.

Силантьев Игорь Витальевич – доктор филологических наук, профессор, директор Института филологии СО РАН, заведующий кафедрой семиотики и дискурсного анализа Новосибирского государственного университета.

Фаустов Андрей Анатольевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русской литературы филологического факультета Воронежского государственного университета.

Фрайзе Маттиас – Ph.D., профессор славянских литератур Института славистики Геттингенского университета (Германия).

Чжоу Цицао – доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института иностранной литературы Академии общественных наук КНР, заведующий отделом теории литературы ИИЛ АОН КНР, директор Исследовательского центра по теории литературы АОН КНР (Пекин, КНР).

Шайтанов Игорь Олегович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой сравнительной истории литератур Института филологии и истории РГГУ.

Шкаренков Павел Петрович – доктор исторических наук, профессор, директор Института филологии и истории РГГУ, декан историко-филологического факультета, заведующий кафедрой истории древнего мира РГГУ.

*Журнал основан в 2005 г.
Выходит 4 раза в год.*

Адрес редакции: Россия, 125993, ГСП-3, Москва, Миусская пл., 6, Российский государственный гуманитарный университет, Институт филологии и истории.

E-mail: philol.journal@gmail.com, philol-journal@yandex.ru
Сайт: <http://slovorggu.ru/>
Телефон: (495) 250-68-44

При перепечатке и цитировании ссылка на «Новый филологический вестник» обязательна.

ISSN 2072-9316

Подписной индекс по Федеральному каталогу «Урал-Пресс»: ВН011056

© Редколлегия «Нового филологического вестника», 2015 г.

© Российский государственный гуманитарный университет, 2015 г.

The New Philological Bulletin

№ 4 (35) ' 2015

Editorial Board:

Tiupa Valerij I. (Editor-in-Chief) – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Fedunina Olga V. (Senior Secretary) – Candidate of Philology, specialist in teaching methods at the Department of Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Autukhovich T.Ye. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian and Foreign Literature, Yanka Kupala State University of Grodno (Grodno, Belarus).

Darvin Mikhail N. – Doctor of Philology, professor at the Department of Theoretical and Historical Poetics, Institute for Philology and History, Russian State University for the Humanities (RSUH). Head of State Institute for Advanced Training and Professional Development of Specialists, RSUH.

Ershova Irina V. – Candidate of Philology, associate professor; professor at the Department of Comparative Studies of Literature, Institute for History and Philology, Russian State University for the Humanities (RSUH).

Faustov Andrew A. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian literature, Philological faculty, Voronezh State University.

Freise Matthias – Ph.D., professor of Slavic literatures at the Slavic Department, University of Göttingen (Germany).

Kemper Dirk – Doctor of Philology and Cultural Studies, professor, head of the Department of Germanic Philology, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Kovtun Elena N. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of the Slavic and Central European Studies, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Magomedova Dina M. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Majmieskulow Anna – Dr. hab., extraordinary professor at the Institute of Applied Linguistics and neophilology Kazimierz Wielki University, Bydgoszcz (Poland).

Mann Yury V. – Doctor of Philology, professor, Academician of the Academy of Natural Sciences. Professor and consultant of the Department of Russian Classical Literature History, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Reinhold Natalia I. – Ph.D. in English (Exeter University, UK), Doctor of Philology (Moscow, Russia), professor, head of the Department for Translation Studies, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Shaitanov Igor O. – Doctor of Philology, professor, head of the Department of Comparative Studies of Literature, Institute for Philology and History, Russian State University for Humanities.

Shkarenkov Pavel P. – Doctor of History, professor, director of the Institute for Philology and History, Dean of faculty for History and Philology, Head of the Department of Ancient History, Russian State University for Humanities (RSUH).

Silantiev Igor V. – Doctor of Philology, professor, director of the Institute of Philology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (SB RAS), head of the department of semiotics and discourse analysis, Novosibirsk State University.

Zhou Qichao – Doctor of Philology, Senior Researcher, Institute for Foreign Literature, Chinese Academy of Social Sciences, head of the department of literary theory LIH CASS, director of the Centre for Research on the theory of literature CASS (Beijing, China).

Zubarev Vera – Ph.D., adjunct lecturer at the University of Pennsylvania (Philadelphia, PA, USA).

The journal is established in 2005

Is issued 4 times a year

The address of the editors' office: Russia, 125993, GSP-3, Moscow,
Miussky square 6, Russian State University for the Humanities,
Institute of Philology and History

E-mail: philol.journal@gmail.com, philol-journal@yandex.ru

Web-site: <http://slovorggu.ru/>

Phone: 7 (495) 250-68-44

Any reprint and citation require the reference to
The New Philological Bulletin.

ISSN 2072-9316

Federal Catalog 'Ural-Press' index number for print version subscription: BH011056

© Editorial board of The New Philological Bulletin, 2015

© Russian State University for the Humanities, 2015



Содержание

Теория литературы. Текстология

<i>А.В. Марков (Москва)</i> Энергия заблуждения: к интеллектуальной истории термина.....	10
<i>Е.Ю. Козьмина (Екатеринбург)</i> «Расследование» С. Лема: принцип имитации и разрушение традиционных структур.....	17
<i>И.С. Судосева (Москва)</i> Мейсенская ваза как артефакт и ее функции в организации художественного мира («Искупление» Иэна Макьюэна).....	26

Русская литература

<i>А.В. Леонавичус (Москва)</i> Хронотоп бала в русской литературе (к истокам традиции).....	32
<i>М.А. Жиркова (Санкт-Петербург)</i> Покинутая родина и первые впечатления в эмиграции в поэтических циклах Саши Черного «На Литве» и «Чужое солнце».....	47
<i>К. Дубель (Краков, Польша)</i> Ритмические эксперименты с фольклором в поэтической практике В. Хлебникова и А. Крученых.....	57
<i>Е.Е. Земскова (Москва)</i> Стратегии лояльности: дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 г.	70
<i>Р. Лапушин (Чапел-Хилл, Северная Каролина, США)</i> «Лирика... под сомнением»: превратности «самовыражения» в 1950-е гг...84	84

Прочтения

<i>О.Л. Довгий (Москва)</i> Поэзия сквозь призму глаголов движения: опыт тезаурусного анализа.....	94
<i>Е.В. Кузнецова (Москва)</i> «Кто усмирен?»: к интерпретации двух стихотворений Андрея Белого....	107

Литература народов стран зарубежья

<i>И.В. Ершова (Москва)</i> Судьба одной эпической формулы и проблема типологии средневекового эпоса.....	127
<i>О.В. Попова (Москва)</i> К вопросу о генезисе «сюжета о подвиге Рыцаря с лебедем».....	136
<i>И.В. Пешков (Москва)</i> «Роберт Грин» и проблема зарождения категории литературно-художественного авторства.....	147
<i>Н.А. Пастушкова (Москва)</i> «Куртуазная любовь» у А. Капеллана и переосмысление понятия в испанских трактатах XV в.....	156
<i>А.А. Козлова (Москва)</i> Образ Испании в исторической и документальной русской прозе XV–XVIII вв.....	164



Contents

Theory of Literature. Textual Studies

<i>A. Markov (Moscow)</i> Energy of the Delusion: To the Intellectual History of the Term.....	10
<i>E. Kozmina (Yekaterinburg)</i> Investigation by S. Lem: Imitation Principle and Destruction of Traditional Structures.....	17
<i>I. Sudoseva (Moscow)</i> Meissen Vase as Literary Artefact and Its Functions in Ian McEwan's Novel Atonement	26

Russian Literature

<i>A. Leonavichus (Moscow)</i> Chronotope of a Ball in Russian Literature (Revisiting the Origins of the Tradition).....	32
<i>M. Zhirkova (St. Petersburg)</i> Abandoned Homeland and First Impressions of Emigration in Poetic Cycles On Lithuania and The Alien Sun by Sasha Cherny.....	47
<i>K.A. Dubel (Krakow, Poland)</i> Rhythmic Experiments with Folk Verse in Poetry of Velimir Khlebnikov and Alexey Kruchenykh.....	57
<i>E. Zemskova (Moscow)</i> Strategies of Loyalty: Discussions on Translation Fidelity at the First All-Union Conference of Translators, 1936.....	70
<i>R. Lapushin (Chapel Hill, NC, USA)</i> “Lyric Poetry... under Suspicion”: Vicissitudes of “Self-Expression” in the 1950s.....	84

Interpretations

<i>O. Dovgy (Moscow)</i> Poetry in Terms of Verbs of Motion: Experience of Thesaurus Analysis.....	94
<i>E. Kuznetsova (Moscow)</i> Who Is Pacified? Revisiting the Interpretation of Two Poems by Andrey Belyi.....	107

Foreign Literature

<i>I. Ershova (Moscow)</i> The Fate of an Epic Formula and the Tipology of Medieval Epic.....	127
<i>O. Popova (Moscow)</i> Revisiting the Genesis of the Deed of the Swan Knight Plot.....	136
<i>I. Peshkov (Moscow)</i> “Robert Greene” and the Problem of Authorship's Origin.....	147
<i>N. Pastushkova (Moscow)</i> “Courtly Love” in Andreas Capellanus Treatise and its Rethinking in Spanish Treatises of 15 th Century.....	156
<i>A. Kozlova (Moscow)</i> The Image of Spain in Documental and Historical Russian Prose of 15–18th Centuries.....	164

Е.Е. Земскова (Москва)

СТРАТЕГИИ ЛОЯЛЬНОСТИ:

дискуссия о точности художественного перевода на Первом всесоюзном совещании переводчиков 1936 г.

Аннотация: Статья посвящена ключевому событию истории художественного перевода Сталинской эпохи – Первому всесоюзному совещанию переводчиков, проходившему в начале января 1936 г. в Москве. Это событие впервые рассматривается с учетом не известных ранее архивных материалов – достаточно полной стенограммы выступлений переводчиков в прениях по докладам. На основании выступлений делаются выводы об идеологическом контексте стратегий, к которым прибегали советские переводчики для защиты методов «точного» и «вольного» перевода.

Ключевые слова: история перевода; Союз советских писателей; идеология и литература; М. Лозинский; Б. Пастернак.

E. Zemskova (Moscow)

STRATEGIES OF LOYALTY:

Discussions on Translation Fidelity at the First All-Union Conference of Translators, 1936

Abstract: The paper focuses on the key event in the history of soviet literary translation under Stalin, the first all-union conference of translators hold in early January 1936 in Moscow. This important cultural event is discussed referring to previously unknown archival document, the almost complete transcript of the conference containing the debates on the plenaries reports. Basing on this transcript the paper aims to analyze the ideological context of soviet translator's strategies to defend their methods of "accurate" and "free" translation.

Key words: translation history; Union of Soviet Writers; ideology and literature; Mikhail Lozinsky; Boris Pasternak.

Стратегии русских переводчиков художественной литературы в XX в. не раз уже становились предметом научного изучения. Поэтике переводов Маршака, Пастернака, Лозинского и других «мастеров поэтического перевода» посвящены классические работы Е.Г. Эткинда¹, М.Л. Гаспарова², П.М. Топера³ и других исследователей, рассматривавших приемы передачи в русских переводах стилистических, метрических, фонетических и других особенностей оригинала в широком контексте развития русского поэтического языка XX в.

Не остаются без внимания исследователей и переводческие декларации принципов: предисловия, статьи выступления переводчиков о том, как и почему они переводят тот или иной текст. К таким декларативным текстам обращаются чаще всего как к вспомогательным материалам, под-

тверждающим выводы исследователей о стратегии работы того или иного переводчика. Часто переводческие декларации ставят в один ряд со взглядами на перевод других участников литературного процесса: критиков, писателей, читателей и исследователей. В этом случае высказывания переводчиков приводятся в качестве примеров общего представления эпохи о художественном переводе.

Очевидно, однако, что сообщения переводчиков о том, как они переводят, подобны высказываниям писателей о том, как они пишут. И те, и другие часто весьма далеки от описания поэтики автора, которое мог бы предпринять исследователь. Настоящая статья не претендует, разумеется, на описание *переводческой декларации* как жанра, ее задача – на нескольких конкретных примерах показать, насколько переводческие декларации как тип высказывания зависят от времени и места, широкого исторического контекста и конкретных обстоятельств его создания.

В последние годы, благодаря стремительному повороту переводоведения (translation studies) от теоретического к историко-культурному взгляду на процесс перевода, были составлены несколько интересных хрестоматий⁴, с помощью которых эта обновленная дисциплина репрезентирует свою историю. Переводческие декларации занимают в них ведущее место. Подборки этих текстов, ставших классикой переводоведения, дают повод задуматься о сходстве причин, по которым многие из авторов взялись за перо. Иероним написал свое знаменитое «Письмо к Паммахию» как самооправдание, защиту от несправедливого навета, и именно этот текст оказался наиболее полным источником для изучения переводческой доктрины святого покровителя переводчиков⁵. Взавшись за перевод Библии на немецкий язык, Лютер ничего не сообщал миру о том, каким принципам перевода он собирается следовать, пока, по его же собственным словам, злые языки и несправедливые слухи не вынудили его написать «Sendbrief vom Dolmetschen», где он дает отпор всем обвинявшим его в неверном переводе католикам и заявляет, что переводил Священное писание так, чтобы оно было понятно «простому немцу»⁶. Считающийся началом серьезного академического изучения перевода доклад Шлейермахера «О различных методах перевода» был прочитан летом 1813 г. в Берлине, оккупированном французскими войсками, став одновременно выступлением в защиту угнетенной немецкой культуры и обвинением французской⁷.

Мне представляется, что этих примеров достаточно для того, чтобы в качестве рабочей гипотезы представить переводческую декларацию как высказывание, риторически оформленное в виде защитной речи, автор которой стремится оправдать себя и показать неправоту выдвигающего обвинения противника.

У исследователей не вызывает сомнений, что любые высказывания о художественном методе в литературе и о природе литературного творчества, сделанные в сталинскую эпоху, необходимо изучать в идеологическом и политическом контексте становления тоталитарного общества. Со всей очевидностью этот тезис относится и к написанному в этот период о



художественном переводе. Специфические черты эпохи приобрела и традиционная для переводческих дискуссий дихотомия «точного» и «вольного»⁸. Морис Фридбер, один из пионеров историко-культурного изучения перевода в России, полагал взгляды советских теоретиков на перевод идеологически мотивированными. Критика буквализма и выдвижение на первый план идеи перевода как творчества, по его мнению, была идеологически более приемлема в условиях советской цензуры и доминирования партийной идеологии во всех сферах культурной жизни⁹.

Продуктивным подходом к советскому дискурсу о переводе мне представляется подход Сусанны Витт в статье, посвященной тому же событию, что и настоящая работа¹⁰. Витт полагает, что отказ от идеи «точного» перевода в официальном дискурсе тоталитарной эпохи был связан с идеологизацией переводческих норм, что означало принципиальную невозможность говорить о переводе «как таковом», без оглядки на контекст эпохи. Выводы исследовательницы были, однако, сделаны на основании имевшихся на тот момент у исследователей источников. Недавно круг их был расширен, поскольку большая часть стенограммы совещания, отсутствовавшая в фонде Союза советских писателей в РГАЛИ, была найдена в фонде Государственного издательства художественной литературы среди материалов, планировавшихся к печати, но так и не опубликованных. Этот источник, к сожалению, не вполне полно отражает происходившее на совещании, однако вместе с документами, проанализированными Витт, он дает существенно более широкую картину событий.

Архивный фонд Союза писателей содержит огромное количество машинописных листов со стенограммами заседаний. Бюрократическая машина союза «творческих работников» требовала постоянного проговаривания условий собственного существования. Первый съезд советских писателей заседал в Москве в августе 1934 г. две недели, в ходе которых речи делегатов, выражавших уверенность в необходимости создания Союза советских писателей, перемежались приветствиями рабочих, крестьянок, пионеров и других представителей советского общества¹¹. И после создания Союза традиция долгих заседаний только укреплялась. Как пишет автор книги о повседневной жизни писателей, некоторые из функционеров ССП даже подавали заявления на отпуск, чтобы, освободившись от заседаний, наконец, что-нибудь написать¹².

Протоколы заседаний секций Союза советских писателей, а особенно стенограммы заседаний раннего периода существования Союза, т.е. 1934–1938 гг., оказываются весьма интересным историческим источником, поскольку документируют сам процесс становления этого специфического жанра публичной советской культуры. Сравнивая стенограммы заседаний Секции переводчиков середины 1930-х гг. с заседаниями секции переводчиков европейских языков 1949–1953 гг., мы видим, что заседания позднесталинского времени более предсказуемы, как будто заранее написан сценарий и роли участников в нем. В документах же 1930-х гг. довольно много реплик и целых развернутых выступлений спонтанного характера,



выбывающих из общего предсказуемого хода событий. Записи заседаний, проходивших в Союзе писателей в 1930-е гг., оказываются привлекательным для исследователя материалом не только потому, что проясняют расклад сил в бюрократической игре. Важно, что эти документы фиксируют высказывания, иногда продуманные, иногда спонтанные, людей, приспособляющихся к публичному дискурсу своей эпохи.

Настоящая статья посвящена одному из существенных событий, повлиявших на представление советской эпохи о художественном переводе и переводчиках. Первое всесоюзное совещание переводчиков, подробно освещавшееся «Литературной газетой»¹³, было организовано Союзом советских писателей и Государственным издательством художественной литературы (ГИХЛ). Созыв этого совещания, которое проходило в течение трех дней, можно было счесть важным бюрократическим успехом секции переводчиков, повышающим аппаратный вес организаторов внутри системы. Однако в полной мере оценить этот возможный эффект не было суждено одному из основных организаторов совещания, председателю Бюро секции переводчиков Павлу Болеславовичу Зенкевичу, арестованному осенью 1936 г.

Программа совещания включала четыре основных доклада, два содоклада и прения. К сожалению, в обнаруженной в архиве стенограмме¹⁴ не отражены три из четырех основных докладов, редко фиксируются реплики из зала, однако речи большинства выступавших в прениях приведены полностью. И тем не менее, такой источник, в отличие от опубликованных в печати статей и реплик, дает нам возможность проследить драматургию дискуссии. Стенограмма оказывается своего рода пьесой, в которой важна последовательность реплик и динамика действия. У каждого участника в этой «пьесе» была своя роль и свое амплуа.

Четыре основных докладчика должны были, по мысли организаторов, представить собравшимся разные аспекты работы переводчика. С самым продолжительным докладом, занявшим весь вечер первого дня конференции, выступил литературный критик Иоганн Альтман. По материалам доклада вскоре после совещания была опубликована статья в «Литературном критике»¹⁵. По верному замечанию Сусанны Витт, его речь «можно рассматривать как приспособление темы перевода к нескольким актуальным именно в тот момент дискурсам: недавно созданному дискурсу о «дружбе народов», заключенной в сталинской национальной политике; дискурсе о Стаханове <...> и, что наиболее важно, дискурсе о «вредителях»»¹⁶. Таким образом, Альтман, указавший на все возможные актуальные импликации перевода, уже задал основные темы дискуссии: стахановский труд «настоящих» переводчиков противопоставлялся опасности, исходящей от «переводчиков-вредителей».

Роль Павла Зенкевича, выступавшего от имени Секции переводчиков и говорившего о «производственных вопросах», взаимоотношениях переводчиков и издательствах, можно определить как заинтересованного бюрократа, представляющего профессиональное сообщество переводчиков.



Доклад Зенкевича отсутствует в стенограмме, однако его тезисы имеются в материалах секции переводчиков Союза писателей¹⁷. Михаил Смирнов, филолог, специалист по Шекспиру, приехавший из Ленинграда, представлял ученых и «научный подход» к проблеме перевода, тезисы его доклада также сохранились в архиве¹⁸. Михаил Лозинский выступил как ведущий переводчик Ленинградской секции переводчиков. Его доклад, также отсутствующий в стенограмме, был опубликован Е.Г. Эткиндром в 1955 г. по копии из личного архива Лозинского (далее цитируется с указанием страницы в квадратных скобках)¹⁹. Два содоклада были посвящены переводам с языков народов СССР: представителя Грузинского отделения Союза писателей Г. Кикодзе о переводной литературы в Грузии и профессора-ираниста Е. Бартельса «Иранские и тюркские переводы».

Однако «сценарий» советского публичного мероприятия 1930-х гг. требовал, чтобы аудитория не пассивно внимала говорящим докладчикам, а принимала активное участие в процессе, каждый раз лично, индивидуально одобряя и поддерживая государственную политику по конкретному вопросу²⁰. В прениях по докладам на Первом всесоюзном совещании переводчиков за два дня выступили сорок пять человек. Большинство из них представляли национальные республики СССР, республики и автономии РСФСР. Представители республик выступали чаще всего с рассказом об успехах и трудностях перевода русской классики и классиков марксизма-ленинизма на их язык, в оценках же ситуации укладывались в схему, предложенную Альтманом. Большую группу участников прений, двадцать один человек, на совещании составляли переводчики из Москвы и Ленинграда, именно их выступления были наиболее эмоционально и лично окрашены. Кроме переводчиков, Москву и Ленинград представляли работники издательств, имевшие свой специфический список претензий к работающим на них переводчикам.

В настоящей статье я остановлюсь лишь на одном из возможных «сюжетов» истории художественного перевода в СССР, который позволяют рассмотреть стенограммы выступлений на Первом всесоюзном совещании. Ограничусь анализом выступлений только некоторых участников Всесоюзного совещания, а именно тех из них, кто выступал в качестве переводчика, а не критика, функционера, издателя или ученого, и говорил о личном опыте перевода и своем индивидуальном выборе переводческой стратегии. При этом меня будет интересовать не только содержание, «суть» стратегии, но прежде всего риторическое оформление высказывания. Высказывания переводчиков исследуются в данной статье в качестве переводческих деклараций, речь о которых шла в ее начале. Я хотела бы рассматривать их в контексте общей дискуссии, обращая внимания на включенность высказывания в диалог с другими участниками этой «пьесы».

Итак, как уже было сказано, первым в амплуа «переводчика» выступил Михаил Лозинский. Поскольку стенограмма его выступления пока не обнаружена, все цитаты приводятся по опубликованному Е.Г. Эткиндром



машинописному тексту доклада из личного архива поэта. Мы не знаем, делал ли Лозинский отступления от текста, и, к сожалению, рассматриваем в данном случае не факт выступления, а лишь заранее написанный его текст, осознавая неполноту и приблизительность такого анализа.

Во введении Лозинский вписывает свой доклад в общую идеологическую рамку, заданную Альтманом, лексически и синтаксически воспроизводя дискурс передовиц «Литературной газеты»: «В общем деле взаимного ознакомления с творчеством наших народов и в деле воссоздания у себя сокровищ мировой литературы, нам, советским поэтам, предстоит большой и радостный труд, но труд ответственный, требующий величайшей строгости к себе, величайшей взыскательности к своей работе» [С. 160].

Характерно, что, несмотря на возвышенную советскую риторику первой части выступления Лозинского, она никоим образом им не интериоризирована, он не выступает от первого лица и даже обобщенное «мы», которое он использует, не обращено к слушающей его аудитории. Перейдя же непосредственно к теме своего выступления, а именно методам поэтического перевода, Лозинский принимает амплуа, скорее, лектора, выступающего перед непросвещенной аудиторией, с которой он должен делиться знаниями, чем коллеги, делящегося своими соображениями о предмете. Приведем пример: «...Чтобы быть не мертвым, а живым, перевод должен воспроизвести форму оригинала, ибо в этой форме живет, разлито в ней и неотделимо от нее содержание. Что же образует форму в поэзии? Два элемента – ритм (и его надстройки, строфика) и мелодия (или звукопись)... Каждый язык выработал свою просодию (приемы стихосложения) в зависимости от своего склада, от своих свойств» [С. 161].

Демонстрируя эрудицию, ссылаясь на европейскую поэтическую традицию, оперируя стиховедческой терминологией, Лозинский защищает принцип точной передачи важнейших элементов формы стиха, настаивая на эквилинеарности и эквиметрии поэтического перевода. При этом он всего лишь несколько раз переходит на высказывание от первого лица и только один раз ссылается на собственный переводческий опыт, приводя в пример свой перевод из Гете.

Первым полемическим ответом на доклад Лозинского стало выступление в прениях Бориса Пастернака, в обнаруженной нами стенограмме оно также отсутствует. Впервые оно было опубликовано в 1968 г., по-видимому, по сохранившейся у представителей грузинской делегации копии. Здесь цитируется по публикации в собрании сочинений Пастернака (с указанием страницы в квадратных скобках)²¹. Важно отметить, что в тот момент Пастернак превозносился советской критикой как образцовый переводчик, а его переводы из грузинских поэтов, наряду с работами Николая Тихонова, считались лучшими переводами с языков народов СССР, хотя ни тот, ни другой не знали грузинского и переводили по подстрочникам²². В связи с этим на совещании Пастернак оказался в числе сидящих в президиуме.

Выступление Пастернака отличается от доклада Лозинского не только по содержанию, но и по форме и интонации высказывания. Его речь носит



спонтанный характер, Пастернак говорит от первого лица о собственном переводческом опыте. Его путаная речь, постоянные возвращения к одному и тому же создают впечатление эмоциональной вовлеченности говорящего, его живое участие в предмете обсуждения. Пастернак говорит о своем личном опыте, указывая на внелитературный характер этого опыта, связанного с тем, что происходит в стране: «Когда мы сейчас говорим о переводе с точки зрения литературной, то это, конечно, вполне уместно, и в идеале так и нужно говорить. Но когда мы обращаемся к своей практике, то не нужно забывать, – и это было бы лицемерием, – что это не чисто литературное увлечение, а участие в какой-то сложной работе, изобилующей сдвигами, смещениями <...> в нашей сложной жизни народов республик» [С. 439].

Откровенно сообщив собравшимся, что так и не выучил грузинский язык, Пастернак довольно резко критикует идею точного перевода, предложенную Лозинским: «Переходя в плоскость уже литературных потребностей, литературных намеков, я могу сказать, что в такой же степени как обязательное знание языка, с которого переводят, в такой же степени для меня спорна обязательность передачи формы подлинника, метрономической формы, чтобы строка русская стукнула в минуту столько же раз, как и строка в оригинале. Я в этом глубоко сомневаюсь. (Аплодисменты)» [С. 441].

Описывая собственный опыт перевода, Пастернак говорит, что сознательно нарушил некоторые правила, хотя степень знакомства с оригиналом вполне позволяла ему точно указать на те свойства текста, которые Лозинскому не дали бы отойти от подлинника:

«...Даже в тех пределах, незавидных <...> – без знания языка, при опоре на подстрочник, я все же располагал каким-то выбором. Например, я знал, что Важа Пшавела рифмует через строчку <...> Почему же я полез на рожон, почему я, уклоняясь от подлинника, который рифмует через строчку, стал рифмовать каждую строчку? Ведь это просто дерзость – уклонение от подлинника. Почему же я пошел на это? Потому, что я понял, что в диапазоне русских возможностей рифма через строчку будет выглядеть иначе, чем по-грузински, что в русском диапазоне это попадает в дурную традицию» [С. 443].

Интересна здесь фраза «полез на рожон», т.е. нарушил правила, общепринятую норму. Нарушение академического правила точной передачи формы, которому Пастернак должен был бы оставаться привержен, как Лозинский, указывает здесь на некоторую жертву, принесенную переводчиком. Он «полез на рожон», потому что (возвращаясь к другой цитате из его выступления) речь не идет больше о чисто литературных вещах, а об «общем деле», которое шире литературы. Для того чтобы продолжать участвовать в этом деле, необходимо в определенном смысле перестать быть собой: «Вы должны эту культуру передать на собственном языке. Как вы это будете делать – это ваше дело. Можете становиться вниз головой – это

не дело читателя, не наше дело, а ваше личное дело. И это надо сделать. (Аплодисменты)» [С. 445].

Способ отношения к теме совещания, который продемонстрировал Пастернак, оказывается востребованным и другими участниками. Практически все переводчики, выступившие на совещании именно как переводчики, а не представители национальных делегаций, говорили о собственном опыте перевода и так или иначе пытались занять сторону Пастернака, апеллируя не только к смыслу, но и к риторике его высказываний. Приведем некоторые из них. Исключительно эмоционально высказывается, например, Инна Зусманович, одна из активных создателей Секции переводчиков:

«Товарищи, из всех выступлений здесь одно выступление произвело на меня, и я уверена, на всех товарищей большое впечатление. И хочется об этом поговорить. Это вчерашнее выступление Пастернака. <...> Я только прошу, товарищи, дослушать мою мысль до конца. Я боюсь, что могу быть ложно понята. Выступление тов. Пастернака как-то больше отвечало нашей сегодняшней эпохе, чем очень многие выступления, в частности, выступление тов. Альтмана. Я беру на себя смелость это сказать (выделено мной – Е.З.), потому что в выступлении Пастернака почувствовался настоящий голос человека, у которого есть большие победы и который хочет этими победами поделиться. <...> Выступление Пастернака, то, как он делился опытом своей работы, то, как он говорил о своем огромном подъеме и о том счастье, которая дает ему эта работа, является самым актуальным по духу из всех выступлений, которые были здесь»²³.

(Далее цитаты из этого документа приводятся с указанием в квадратных скобках номера листа.)

Поддержку Пастернака, описавшего свой способ участия в «общей работе», Зусманович риторически оформляет в том же ключе эмоциональной путаной речи, в которой есть указание на то, что она поддерживает идею выступления от первого лица как «смелость». Другой пример – высказывание переводчика Льва Пенковского, работавшего над переводом по подстрочникам казахского эпоса.

«Тов. Пастернак с большой радостью говорил о своей работе над грузинами. Я тоже хочу говорить о радости, но в отношении казахов <...> Когда мне предложили переводить эпос казахского народа, я без особого увлечения пошел на это. <...> Но когда я влез в эту работу, когда я впервые бегло еще посмотрел подстрочник (я, к сожалению, казахского языка не знаю, хоть и надеюсь, что буду знать) я увидел, что это богатства, которые лежат зарытыми где-то на окраине, о которых никто не знал <...>. Передо мной встал вопрос в отношении ритмики, рифмы, лексики, и в отношении степени близости <...>, нужно было брать на себя большую поэтическую ответственность (выделено мной – Е.З.). Просто передать ритмику подлинника нельзя было. Также как Пастернак подошел к Пшавеле, точно также приходилось подходить и здесь» [Л. 326–327].



Это высказывание построено как повторение на своем материале, возможно, в более последовательном ключе, всех основных мотивов речи Пастернака. Особого внимания заслуживает указание на «поэтическую ответственность», которую пришлось «взять на себя переводчику», своего рода пастернаковский «рожон», нарушение правила.

В просторном и эмоциональном сообщении Александра Ромма прозвучала уже прямая критика подхода Лозинского:

«А вам говорят – расставляйте точки, как в оригинале, расставляйте рифмы как в оригинале, и передавайте смысл, эмоциональную нагрузку. Что же получается? Получается, что переводчик надевает фрак, белые перчатки, ставит мелом точки на те места, куда ступил, танцуя, Гете, – и думает, что он по ним танцует. Но Гете танцевал, а ты карабкаешься. <...> И получаются такие стихи, которых читать нельзя. Хотя, конечно, их пишут люди, которые в смысле филологическом являются самыми квалифицированными людьми. Эти стихи читать нельзя, потому что в них выброшено самое существенное. Стихи, которые не танцуют, не поют, не звучат, это уже не стихи» [Л. 276].

В высказываниях Ромма риторика эмоционального участия в окружающей жизни, выраженная в ориентации на читателя и нарушении правил, приобретает иной характер, окрашиваясь в тона конструктивизма:

«Разница между искусством в понимании формалистическом и искусством в том понимании, о котором я говорю, заключается в том, что в формалистическом понимании произведение искусства есть вещь. И эту вещь можно взять и перенести отсюда сюда, из одной языковой системы в другую и она от этого не изменится. <...> В нашем понимании произведение искусства есть действующая вещь. Это динамо-машина, которую нужно переключить для того, чтобы он действовала не только для тех, кто понимает этот язык, но и для тех, кто не понимает...» [Л. 280].

Единственным переводчиком, выступившим в самом финале заседания с тезисами, близкими выступлению Лозинского, стал Евгений Львович Ланн, говоривший о необходимости соблюдать в переводе принцип «точности». В отличие от пленарного доклада Лозинского, в реплике Ланна практически отсутствуют риторически высокие отсылки к текущему моменту. Критически откликнувшись на выступление И. Ионов, Ланн переходит к изложению в наукообразном отстраненном стиле своего кредо: «Принцип точности исключает измышление второго эпитета, если даже, по мнению переводчика, экспрессивность фразы проигрывает. Понятие точности исключает устранение плеоназма в подлиннике, ибо плеоназм есть элемент стиля, и устранять его нельзя...» [Л. 445].

Не останавливаясь подробно на взглядах Ланна, укажем, что в выступлении он близко к тексту повторил одну из своих статей, посвященных переводу «Посмертных записок Пиквикского клуба» Ч. Диккенса²⁴.



Все приведенные выше высказывания на Советствии переводчиков можно рассматривать как переводческие декларации в том смысле, который обсуждался в начале этой статьи. Очевидно, что на Советствии были представлены разные подходы к переводу, традиционная пара сторонников «точности» и «вольности», «буквы» и «духа», и т.п. Во многом различие позиций обусловлено тем, что защитниками «точности» оказываются переводчики западной классики, и степень канонизации оригинала в этом случае намного выше, чем при переводе по подстрочнику с языков народов СССР. Однако Ромм переносит критику метода «точности» и на западные тексты. Что более важно, никто из участников совещания не выступил публично с утверждением о том, что при переводе с языков народов СССР статус оригинала оказывается ниже, и это позволяет переводить «вольно»; риторика сторонников «вольности» строится на других основаниях.

Как это часто бывает в случае переводческой декларации, в обоих случаях переводчики указывают на внелитературность своих задач. Необходимость перевода и определенного метода перевода диктуется обстоятельствами внелитературного характера. Однако выбор этого метода в случае сторонников «точности» мотивирован свойствами оригинального текста, а во втором случае – ориентацией на аудиторию и внелитературные обстоятельства. Отличается и сам способ обращения с этими задачами, риторика апелляции к внелитературным рядам.

В первом случае, представленном Лозинским и Ланном, мы имеем дело с позицией, которую можно назвать «честным профессионализмом». Риторически эта позиция характеризуется нейтральным тоном, избеганием первого лица, наличием профессиональной лексики и даже жаргона. Сторонник переводческой точности предстает как квалифицированный интеллигент-специалист, способный выполнить определенную задачу, которая сформулирована как задача для профессионала, для чего он обладает определенными знаниями и квалификацией. Качество его работы может быть проверено, потому что известны критерии, по которым она выполнена: именно эти критерии называются «точностью», «адекватностью», «эквилинарностью», «точной передачей стиля» и т.д.

Во втором случае, риторическое устройство которого наиболее характерным образом воплотилось в выступлении Пастернака, мы имеем дело с эмоциональной речью, выступлением от первого лица и риторикой вовлеченности в общее дело. Оправданием метода такого перевода, когда принцип вольности формулируется как осознанный отход от «правил», нарушение конвенции, становится участие в коллективном проекте советской культуры, оценкой качества такого перевода может быть только признание или непризнание советским коллективом.

Очевидно, что оба эти подхода производятся как защитные механизмы, объяснение принципов собственной работы оказывается, как это свойственно переводческой декларации, речью самозащиты, в данном случае речью о собственной лояльности политическому режиму. В первом случае это лояльность «спеца», буржуазного интеллигента-профессионала, кото-



рая в начале 1936 г. на общем политическом фоне уже выглядит ненадежной и подозрительной. Второй случай – попытка с помощью указания на работу переводчика выразить именно советскую лояльность, лояльность участника социалистического строительства, искренне его поддерживающего и берущего на себя часть коллективной ответственности.

Остается только добавить, что ровно через три недели после этого заседания произошло событие, ставшее маркером того, что обе стратегии лояльности могут быть недостаточны для «творческого работника» и не дают никакой гарантии защиты от произвола политических властей. Я имею в виду статью «Сумбур вместо музыки», опубликованную в «Правде» 28 января 1936 г., и развернувшуюся затем кампанию по «борьбе с формализмом». В этой ситуации выражения лояльности как участия в общем деле уже становилось недостаточно, и на заседаниях в Союзе писателей необходимо было личное участие каждого в компании против «формалистов», указании на конкретных людей, виновных в неучастии в общем деле. Как известно, Борис Пастернак публично отказался от использования такой стратегии лояльности и обрек себя на долгие годы занятий переводами²⁵

Данное научное исследование выполнено при поддержке Программы «Научный фонд НИУ ВШЭ» в 2013–2014 гг., № гранта 12-01-0096.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Эткинд Е.Г. Поэзия и перевод. М.; Л., 1963; Эткинд Е.Г. Русская переводная поэзия XX века // Мастера русского поэтического перевода, XX век. СПб., 2008.

² Гаспаров М.Л. Брюсов и буквализм (по неизданным материалам к переводу «Энеиды») // Мастерство перевода. Вып. 8. М., 1971. С. 88–128; Гаспаров М.Л., Автономова Н.С. Сонеты Шекспира – переводы Маршака // Гаспаров М.Л. О русской поэзии. СПб., 2001. С. 389–409.

³ Тонер П.М. Перевод в системе сравнительного литературоведения. М., 2001.

⁴ The Translation Studies Reader / ed. by L. Venuti. London; New York, 2000. Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche / ed. D. Robinson. New York, 2002. Weissbort D., Eysteinsson A. Translation: Theory and Practice: A Historical Reader. Oxford, 2006.

⁵ Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche / ed. D. Robinson. New York, 2002. P. 29.

⁶ Das Problem des Übersetzens / Hrg. von H.J. Störig. Stuttgart, 1963. P. 14–33; Lefevere A. Translating Literature: The German Tradition from Luther to Rosenzweig. Rodopi, 1977. P. 7–9.

⁷ Пым А. Schleiermacher and the Problem of “Blendlinge” // Translation and Literature. 1995. № 1. P. 5–30.

⁸ Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013.

⁹ Friedberg M. Literary Translation in Russia: A Cultural History. University Park,

Penn., 1997.

¹⁰ Witt S. The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936 and the Ideologization of Norms // The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia / Burnett L., Lygo E. (eds.). Oxford, 2013. P. 141–184.

¹¹ Первый всесоюзный съезд советских писателей 1934. Стенографический отчет. М., 1990. (Репринт. воспроизведение изд. 1934 г.)

¹² Антипина В. Повседневная жизнь советских писателей. 1930–1950-е годы. М., 2005.

¹³ Литературная газета. 1936. № 1, 2, 3.

¹⁴ РГАЛИ. Ф. 613 (Государственное издательство «Художественная литература»). Оп. 1. Д. 8480.

¹⁵ Альтман И. О художественном переводе // Литературный критик. 1936. № 5.

¹⁶ Witt S. The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936 and the Ideologization of Norms // The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia / Burnett L., Lygo E. (eds.). Oxford, 2013. P. 163–164.

¹⁷ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз советских писателей). Оп. 21. Д. 9. Л. 13–16.

¹⁸ РГАЛИ. Ф. 631 (Союз советских писателей). Оп. 21. Д. 9. Л. 17–20.

¹⁹ Лозинский М. Искусство стихотворного перевода // Дружба народов. 1955. № 7. С. 158–166.

²⁰ Brooks J. Thank you, comrade Stalin!: Soviet public culture from revolution to Cold War. Princeton, 2001.

²¹ Пастернак Б. На первом всесоюзном совещании переводчиков (стенограмма выступления) // Пастернак Б. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. V. М., 2004. С. 438–445.

²² Zemskova E. Georgian Poets' Translations by Boris Pasternak in the Soviet Culture of 1930s // The Art of Accommodation: Literary Translation in Russian Culture / ed. by L. Burnett and E. Lygo. Oxford, 2013. P. 185–212.

²³ РГАЛИ. Ф. 613. Оп. 1. Д. 8480. Л. 223–224.

²⁴ Азов А. Поверженные буквалисты. Из истории художественного перевода в СССР в 1920–1960-е годы. М., 2013. С. 62–74.

²⁵ Флейшман Л. Борис Пастернак и литературное движение 1930-х годов. СПб., 2005. С. 413–501.

References

(Articles from Scientific Journals)

1. Пым А. Schleiermacher and the Problem of “Blendlinge”. *Translation and Literature*. 1995, vol. 1, pp. 5–30.

(Articles from Proceedings and Collections of Research Papers)

2. Etkind E.G. Russkaya perevodnaya poeziya XX veka. [Russian Translated Poetry of 20th Century]. *Mastera russkogo poeticheskogo perevoda, XX vek*. [Masters of Russian Poetry Translation, 20th Century]. St. Petersburg, 2008.



3. Gasparov M.L. Bryusov i bukvalizm [Brusov and Literalism]. *Masterstvo perevoda* [Mastership of Translation]. Issue 8. Moscow, 1971, p. 88–128.
4. Gasparov M.L., Avtonomova N.S. Sonety Shekspira – perevody Marshaka [Shakespeare's Sonnets – Marshak's Translations]. *Gasparov M.L. O russkoy poezii* [On Russian Poetry]. St. Petersburg, 2001, pp. 389–409.
5. Witt S. The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936 and the Ideologization of Norms. *Burnett L., Lygo E. (eds.). The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*. Oxford, 2013. pp. 141–184.
6. Witt S. The First All-Union Conference of Translators, Moscow, 1936 and the Ideologization of Norms. *Burnett L., Lygo E. (eds.). The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*. Oxford, 2013, pp. 163–164.
7. Zemskova E. Georgian Poets' Translations by Boris Pasternak in the Soviet Culture of 1930s. *Burnett L., Lygo E. (eds.). The Art of Accommodation: Literary Translation in Russia*. Oxford, 2013, pp. 185–212.

(Monographs)

8. Etkind E.G. *Poeziya i perevod* [Poetry and Translation]. Moscow; Leningrad, 1963.
9. Toper P.M. *Perevod v sisteme sravnitel'nogo literaturovedeniya* [Translation in the System of Comparative Literature]. Moscow, 2001.
10. Weissbort D., Astradur E. *Translation: Theory and Practice: A Historical Reader*. Oxford, 2006.
11. Venuti L. (ed.). *The Translation Studies Reader*. London; New York, 2012.
12. Robinson D. (ed.). *Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche*. New York, 2014.
13. Robinson D. (ed.). *Western Translation Theory from Herodotus to Nietzsche*. New York, 2014, p. 29.
14. Störig H.J. (ed.). *Das Problem des Übersetzens*. Stuttgart, 1963, pp. 14–33.
15. Lefevere A. *Translating Literature: The German Tradition from Luther to Rosenzweig*. Rodopi, 1977, pp. 7–9.
16. Azov A. *Poverzhennyye bukvalisty. Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920-1960-e gody* [Defeated Literalists. From the History of Literary Translation in the USSR in 1920s – 1960s.] Moscow, 2013.
17. Friedberg M. *Literary Translation in Russia: A Cultural History*. University Park, Penn., 1997.
18. Antipina V. *Povsednevnyaya zhizn sovetskikh pisateley. 1930-1950-e gody*. [Everyday Life of Soviet Writers. 1930–1950s]. Moscow, 2005.
19. Brooks J. *Thank you, comrade Stalin! Soviet public culture from revolution to Cold War*. Princeton, 2001.
20. Azov A. *Poverzhennyye bukvalisty. Iz istorii khudozhestvennogo perevoda v SSSR v 1920-1960-e gody* [Defeated Literalists. From the History of Literary Translation in the USSR in 1920s – 1960s.] Moscow, 2013, pp. 62–74.
21. Fleishman L. *Boris Pasternak i literaturnoe dvizhenie 1930-kh godov* [Boris Pasternak and the Literary Life of 1930s]. St. Petersburg, 2005, pp. 413–501.



Елена Евгеньевна Земскова – кандидат филологических наук, доцент школы филологии факультета гуманитарных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ – ВШЭ).

Область научных интересов: компаративистика, история перевода. Автор ряда статей по истории художественного перевода в СССР 1930-х гг., руководитель коллективного проекта по истории журнала «Интернациональная литература».

E-mail: ezemskova@hse.ru

Elena E. Zemskova is Candidate of Philology, an Associate Professor at the School of Philology, Faculty for Humanities, National Research University – Higher School of Economics (HSE).

Her research interests include comparative literature and translation history. She published a number of articles on the history of translation in the USSR in 1930s. She is also a head of the collective research project devoted to the 'International literature' magazine.

E-mail: ezemskova@hse.ru